

**ТЕОРИИ ВОСПРИЯТИЯ РИСКА:
КТО БОИТСЯ, ЧЕГО И ПОЧЕМУ?**

Арон Вилдавски и Карл Дейк

*Aaron Wildavsky and Karl Dake. Theories of Risk Perception:
Who Fears What and Why*
Перевод к.ф.н. А.Д.Ковалева

Как странно, что никто, кажется, не замечает, что всякое наблюдение, если оно сколько-нибудь полезно, неизбежно будет за или против какого-то воззрения.

Чарльз Дарвин

Соперничающие теории в социальной науке редко сталкиваются друг с другом в поисках ответа на одни и те же вопросы. В частности, в исследованиях восприятия риска широкой публикой используется много разных подходов, но альтернативные формулировки, как правило, не проверяются. Практически полностью отсутствует целенаправленное сравнение соперничающих гипотез.

Вряд ли найдется много тем, которые в настоящее время лучше известны широкому кругу людей или считаются более важными для них, чем рассуждения о вреде, причиняемом современной техникой и технологией природной среде и человеческому телу, будь то химические канцерогены, атомная энергетика или вредные соединения, вносимые промышленностью в землю, воды, воздух или пищевые продукты. Уместно задаться вопросом: почему продукты и обычные действия, когда-то почитавшиеся безопасными (или достаточно безопасными), ныне по нарастающей воспринимаются как опасные? Кто (какая категория людей) считает технику в основном благотворной и кто – опасной? В какой мере разные люди равно обеспокоены одинаковыми опасностями, и в какой степени одни воспринимают как большой риск явления, о которых другие думают как о малом риске? И как меняется озабоченность данных индивидов относительно различных видов риска, таких как война, социальные отклонения, экономические потрясения, а также технологический риск? Только сравнивая поведение в разных типах опасности, мы можем выявить общую тенденцию, узнать, расположены или не расположены индивиды к риску и зависит ли их восприятие опасности от значения, которое они придают объектам своего потенциального беспокойства. Мы предлагаем проверять любую теорию восприятия риска по ее способности предсказывать и объяснять, как и какие потенциальные опасности будут воспринимать различные категории людей.

Наиболее широко распространенную теорию восприятия риска мы называем *теорией знания*: в ее основе – часто неявное представление, будто люди воспринимают технологии (и другие явления) как опасные, потому что они *знают* об их опасности. В критическом обзоре "Риск и культура" Мэри Дуглас и Арона Вилдавски (Douglas and Wildavsky, 1982), например,

ясно выявлено убеждение Джона Холдрена, что воспринимающие – это просто регистраторы реальной степени опасности (раз люди встревожены, им есть о чем беспокоиться): "Возможно, нам достаточно значительно более простого описания: людей чаще всего тревожат те виды риска, которые кажутся прямой угрозой их благополучию в данный момент; проблемы окружающей среды преобладают только там и тогда, когда люди полагают, что риск насилия и экономической разрухи находится под контролем... Что плохого, в конце концов, в простой идее (сравнимой с идеей Маслоу о ступенях желаний), что озабоченность более тонкими и сложными угрозами материализуется только в том случае, если устранены наиболее прямые и очевидные угрозы?" (Holdren, 1983, Quotation 36).

Если Холдрен прав, то восприятие опасности должно соответствовать тому, что индивиды знают об исследуемом виде риска. Но совпадают ли восприятие и знание риска?

Другая общепринятая причина восприятия риска выводится из *теории личности*. О личности часто говорят так, что индивиды оказываются неразличимыми по их отношению к риску: одни любят рисковать и потому часто идут на риск, тогда как другие не терпят риска и стараются избегать его, сколько могут. Мы проверим этот обычный, хотя и крайний, взгляд. Мы проанализируем также более умеренную теорию личности, согласно которой устойчивые индивидуальные различия людей систематически коррелируют с их восприятием опасности. Оставляя в стороне характеры экстраординарные, типа Обломова, провалявшегося всю жизнь в постели, или Ивлы Нивалза, ломающего себе руки и ноги в чересчур смелых предприятиях, эта версия теории личности предполагает, что индивиды по своей конституции достаточно устойчивым образом идут на риск либо избегают рискованных положений (MacCrimmon and Wehrung, 1986; Mitchell, 1983). Но имеют ли отношение традиционно определяемые атрибуты личности (свойства внутриспсихической динамики и межличностные черты) к восприятиям риска и предсказуемым предпочтениям?

Третий набор объяснений восприятия опасности публикой следует двум версиям *экономической теории*. По одной, богатые более охотно идут на риск, связанный с техникой, потому что они больше получают выгод от этого и как-то защищены от вредных последствий. Бедные, предположительно, испытывают прямо противоположные чувства. Однако в "постматериалистической" версии этой теории обоснование перевернуто: именно поскольку повысились жизненные стандарты, богатые меньше заинтересованы в том, что имеют (изобилие), и в том, что привело их к этому (капитализм), а больше – в том, что они хотели бы сохранить и приобрести (близость в социальных отношениях, лучшее здоровье) (Inglehart, 1977). Но верно ли, что новоиспеченный богач устремляется к "постматериалистическим" ценностям (типа межличностной гармонии) и потому боится загрязнения окружающей среды и химического заражения?

Другие объяснения реакций общественности на потенциальные опасности опираются на *политические теории*. Здесь споры о риске рассматриваются как борьба интересов, например, за стратегический пост или партийное преимущество. Политическая модель столкновения интересов связывает конфликты с различными положениями, занимаемыми людьми в обществе. Надежды на объяснение при таких подходах к вос-

приятию риска перемещаются на социальные и демографические характеристики: пол, возраст, принадлежность к социальному классу, либеральные или консервативные воззрения и/или приверженность к разным политическим партиям (Cotgrove, 1982; Nelkin and Pollack, 1981).

Теоретики культуры, рассматривающие индивидов как активных организаторов собственных восприятий, предположили, что люди выбирают, чего бояться, дабы поддерживать свой образ жизни (Douglas, 1982 [1978]; 1979; 1982; см. также Douglas and Wildavsky, 1982; Thompson et al., 1990). При этом подходе избирательное внимание к феномену риска и предпочтения среди разных возможных типов его принятия (или избегания) соответствуют культурным *предрассудкам* (предпочтениям), т.е. мировоззрениям или идеологиям, необходимо предполагающим глубоко укорененные ценности и верования, которые стоят на защите различных моделей общественных отношений. В "культурной теории" восприятия риска общественные отношения представлены как небольшое число различающихся моделей межличностных взаимоотношений – иерархических, эгалитарных или индивидуалистических¹. Ни культурным предрассудкам, ни общественным отношениям не отдается каузальный приоритет: их всегда находят вместе в процессе взаимного усиления. Поэтому не существует отношений без оправдывающих их культурных предрассудков и предрассудков без поддерживающих их отношений.

Социально жизнеспособное сочетание культурных предрассудков и общественных отношений называют в культурной теории *образом жизни*, или *политической культурой*. Тогда, если говорить более конкретно, иерархические, эгалитарные и индивидуалистические формы общественных отношений гипотетически должны порождать отличающиеся представления о том, что составляет риск, а что нет. Среди всех возможных видов риска те, что избраны как объект тревоги или демонстративного безразличия, функциональны в том смысле, что они укрепляют один из существующих образов жизни и ослабляют другие. Этот тип объяснения более ориентирован на политику (поскольку у всех, придерживающихся данного восприятия, имеется политическое устремление: защита некоего одного образа жизни и критика других), но одновременно и менее очевиден (какая связь между восприятием риска и образом жизни?).

Так как культурные предрассудки суть формы идеологии, то определенные предрассудки и соответствующие идеологии (например, эгалитаризм и политический либерализм) должны были бы тесно коррелировать между собой. Однако варьируя опасности, на которые реагируют люди, мы увидим, что различие "левые/правые" способно уловить культурный предрассудок эгалитаризма, но не годится, чтобы развести проявления иерархизма и индивидуализма. Поэтому мы ожидаем, что три выделенных типа культурных предрассудков (иерархические, эгалитарные

¹ Культурная теория дополнительно описывает еще две культуры: фаталистов и отшельников. Она также проводит более тонкие различия относительно природы, технологии и восприятия риска, чем обсуждаемые здесь. Если бы была возможность, мы предпочли бы измерять культурные предрассудки в их социальном контексте. Вместо этого мы приняли подход, продиктованный данными обследований, имевшимися в нашем распоряжении. Мы определяем культурные предрассудки как мировоззрения.

и индивидуалистические) способны предсказывать широкий разброс возможных восприятий риска лучше, чем политические идеологии.

Согласно "культурной теории", приверженцы иерархии воспринимают социальные отклонения как опасные, поскольку такое поведение может разрушить предпочитаемую ими форму общественных отношений ("вышестоящие/подчиненные"). Напротив, защитники большего равенства условий для всех питают отвращение к ролевой дифференциации, характерной для иерархии, ибо ранжированные позиции подразумевают неравенство. Эгалитаристы из принципа отвергают предписания, присущие иерархии (т.е. кому, что и с кем дозволено делать), и потому проявляют гораздо меньший интерес к проблеме социальных отклонений.

Индивидуалистические культуры поддерживают самоуправление, включая свободу предлагать свою цену и торговаться. Лабиринт нормативных ограничений и средств контроля за поведением, ценимых в иерархиях, воспринимается как угроза автономии индивидуалиста, который предпочитает договариваться сам за себя. Социальные отклонения угрожают индивидуалистической культуре, только когда они ограничивают свободу или разрушают рыночные отношения. Мы ожидаем, что позиция индивидуалистов займет место где-то между иерархистами, для которых социальное отклонение – это главный вид риска, и эгалитаристами, для которых оно, самое большее, второстепенная опасность.

Эгалитаристы провозглашают, что природа "хрупка", чтобы оправдать уравнивательный раздел ограниченных мировых ресурсов и обуздать индивидуалистов, чья жизнь, состоящая из торговых предложений и сделок, была бы невозможной, если бы они чересчур много заботились о разрушаемой природе. Напротив, индивидуалисты объявляют природу "рогом изобилия", так что если освободить людей от искусственных ограничений (вроде чрезмерных экологических предписаний), то не будет пределов изобилию для всех, и это с избытком компенсирует любой вред природе. Иерархисты имеют нечто общее с индивидуалистами: они одобряют технологические процессы и конечные продукты при условии, что признанные ими эксперты выдали соответствующие сертификаты безопасности и соблюдаются соответствующие правила и инструкции. В иерархической культуре природа предстает "испорченной или терпимой": будет хорошо, если вы последуете правилам и рекомендациям экспертов этой культуры, и плохо, если нет.

Люди, придерживающиеся эгалитарных предрассудков (те, кто ценит значительное равенство среди людей, т.е. уменьшение различий по богатству, расе, полу, авторитету и т.д.), обычно воспринимают опасности, связанные с технологией, как большие, а приносимые ею выгоды – как малые. Они убеждены, что неэгалитарное общество, по всей вероятности, будет эксплуатировать окружающую среду точно так же, как оно эксплуатирует бедняков. Сторонники эгалитаризма склонны также относительно низко расценивать степень опасности (риска) социальных отклонений. Какое право имеет бессовестная система неравенства предъявлять требования и устанавливать нормы? Риск войны будет, видимо, восприниматься эгалитаристами как низкий или умеренный: скорее всего они не доверяют военным (прототипической иерархии), а кроме того убеждены, что внешняя военная угроза преуве-

личивается сложившейся коалицией сил иерархии и индивидуализма, чтобы оправдать систему неравенства у себя дома.

В отношении индивидуалистических предрассудков предсказания "культурной теории" прямо противоположны: здесь опасности технологии будут восприняты как минимальные, отчасти потому, что люди с такими предрассудками верят в способность своих институтов контролировать либо компенсировать опасности неблагоприятных событий. Те же самые предсказания имеют силу и для культурных предрассудков в пользу иерархии. Как же тогда мы различаем мировоззрения иерархистов и индивидуалистов? Благодаря изменениям объекта их интересов. Если просто изучать технологический риск, то две эти культурные тенденции останутся безнадежно перепутанными друг с другом. Обе они оптимистичны в отношении техники: индивидуалисты считают ее средством для неограниченного индивидуального предпринимательства (здесь риск – это благоприятная возможность, шанс удачи), а иерархисты верят, будто технология, одобренная экспертами, обязана улучшать качество жизни.

Из-за сильного акцента на повиновение авторитету внутри иерархии ее охранители пренебрегают отклоняющимся поведением. Напротив, индивидуалисты, предпочитающие заменять авторитет самоуправлением, гораздо более охотно допускают поведение, которое является продуктом соглашения. И здесь тоже надо проводить различие. Если объектом внимания оказывается личное поведение, например сексуальное общение взрослых людей при взаимном согласии, индивидуалисты будут против вмешательства правительства. Но если речь идет о преступлении или насилии по отношению к установившимся институтам, они, наверное, будут более расположены поддержать жесткие правительственные меры. Иными словами, если "порядок" означает поддержку стабильности и легитимности, необходимых для рыночных отношений, индивидуалисты будут поддерживать соответствующие действия правительства.

Экономические передряги представляют собой иной вид риска, чем опасности техники или социальных отклонений, поскольку почти все люди имеют основание беспокоиться о состоянии экономики: эгалитаристы – потому, что понижение уровня жизни особенно болезненно для самых бедных, а приверженцы иерархии – потому, что оно ослабляет систему, которую они хотят защитить. Однако нас не удивит, если индивидуалисты больше других будут бояться экономического провала, так как рынок – центральный институт в их жизненной системе, состоящей в заключении договоров.

Чтобы проверить эти соперничающие теории (знания, личности, экономическую, политическую и культурную), мы воспользуемся архивом данных по восприятию риска, основанным Кеннетом Крэйком, Дэвидом Бассом и Карлом Дейком в Институте исследования и оценки личности при Калифорнийском университете². Мы использовали ин-

²Были проведены глубокие исследования в отношении трехсот обычных граждан. Сюда включалось и то, в какой мере они воспринимают технологии, каковы предпочтения в подходах к социальным решениям и политике социального риска, доверие к институтам, социотехнологические и политические ориентации, личные ценности, экологические установки, самоописания личностных предпосылок и проч.

декс готовности идти на риск из их "Политики социального риска", чтобы измерить степень индивидуальной предрасположенности к риску применительно к технологии по сравнению со степенью его отторжения. Этот индекс риска помогает оценить, должны ли феномены принятия риска и управления риском рассматриваться как возможности для движения вперед или же как шаги к катастрофе на социальном уровне (т.е. в масштабах всего общества).

[...]

Рассмотрим эти данные под углом зрения перечисленных выше теорий восприятия риска. Если бы было правильным предположение, что чем больше люди знают о технологическом риске или о технологии вообще, тем больше их это тревожит, то отсюда следовало бы, что острота восприятия риска согласуется с таким знанием. Измеряя и сопоставляя самооценки знания о технологиях и самооценки уровня образования, мы видим прямо противоположное.

Наши результаты показывают, что те, кто оценивает свое личное знание технологий высоко, склонны оценивать связанные с ними блага выше, чем те, кто меньше уверен в своем знании³. Люди, заявляющие о высоком уровне своего образования, склонны менее остро воспринимать риск войны. В остальном знание и образование, как его оценивают сами опрошиваемые, только слабо (т.е. статистически несущественно) коррелируют с предпочтениями в принятии социального риска или к восприятию риска, присущего технологии, окружающей среде, социальным отклонениям и экономическим неурядицам.

Вдобавок, чем больше индивидуальные оценки статистики несчастных случаев за год соответствуют расчетным оценкам экспертов, тем более вероятно, что данное лицо расценит другие виды риска как малые (по крайней мере, в сравнении с менее аккуратными людьми). Но хотя в целом те, кто ближе к экспертным оценкам смертности, менее остро ощущают риск, они также и менее оптимистичны относительно выгод технологии. *В итоге напрашивается вывод, что самооценка знания и точность восприятия имеют минимальную связь с восприятием риска.*

Взяв за исходный пункт личность, мы обнаруживаем, что людей, которые определенно чувствуют необходимость принятия нашим об-

Исследования проводились на двух выборках, по нескольким городам в регионе Сан-Франциско: Ричмонду, Окленду, Пидмунту и Аламеде. Стратифицированные выборки были получены на основе анализа социальных тенденций, что обеспечило детальную информацию о медианных демографических характеристиках для каждого адресного почтового кода в районе выборок. Участники вербовались согласно отбору по телефонному справочнику посредством письменных приглашений и телефонных переговоров. Большинство, но не все, из представленных результатов основаны на анализе выборки 2 (которая включала 134 участника), причем выборка 1 (166 участников) остается доступной для повторения этого исследования.

³ На всем протяжении этого очерка мы сообщаем величины корреляций, но не средние значения или средние разности. Для выборки 2 (134 участника) величина корреляции должна быть больше +0,15 или меньше -0,15, чтобы стать статистически значимой. Это ничего не говорит о средних оценках или сравнениях по группам.

ществом технологического риска, можно описать как терпеливых, воздержанных, склонных к примирению и к порядку (т.е. мера склонности к риску положительно коррелирует с такими личностными чертами, как "потребность в порядке" и "уважительность") (Allport, 1961; см. также: Personality..., 1937). Защитники социального риска не склонны быть агрессивными, или очень самостоятельными, или выставлять себя напоказ. Более вероятно, что они будут осторожными и скромными, предпочитающими стабильность изменению. *Эта модель предполагает тип личности, ориентированной в пользу технологического риска, которая проявляется как личность послушного и исполнительного гражданина, уважающего авторитеты.* Такая структура личности исключительно хорошо согласуется с политической культурой иерархии.

Напротив, те граждане, которые более остро воспринимают риск, связанный с технологией и ухудшением окружающей среды, склонны положительно относиться к назойливому самовыражению, независимости и потребности в изменениях и отрицательно – к потребности в порядке, почтительности и терпеливости (т.е. их наклонности прямо противоположны наклонностям принимающих социальный риск). *Эта модель свойств личности, отторгающей технологический риск, годится также и для тех, кто одобряет эгалитаризм.*

Кроме того, более вероятно, что сторонники эгалитаризма в личном плане тяготеют к принятию риска, но в социальном – не расположены к нему, тогда как предпочитающие иерархию склонны лично отвергать риск, но социальную они – за риск по отношению к технологии и окружающей среде. *Таким образом, у нас нет никаких доказательств существования некоей личностной структуры, которая при всех обстоятельствах является либо рископринимательской, либо отторгающей риск.* Принятие и отвержение риска вовсе не однородные цельные процессы, но зависят от того, какие чувства люди испытывают к объекту своего внимания. Культурная теория в состоянии предвидеть, например, что иерархисты скорее всего станут выступать против всякого риска, когда возникают угрозы государству, политическому организму.

По сравнению с консерваторами, те, кто считают себя либералами и склонны отвергать технологический риск на социальном уровне, вероятно, будут оценивать опасности технологии и окружающей среды как очень большие. Они сравнительно мало озабочены риском как следствием социального отклонения.

[...]

Членство в политических партиях менее значимо для предсказания восприятий и предпочтений риска, чем идеологические расхождения по линии "левые/правые", особенно в стане демократов (без сомнения, потому, что Демократическая партия более разнородна). Наши выводы будут информативными, когда мы ответим на вопрос, что именно в отношении себя к либералам или консерваторам порождает такие большие расхождения при сравнении с самоопределением в качестве демократа или республиканца. Будь то по самооценке или политической приписке, *либералы имеют сильные тенденции одобрять эгалитаризм ($r=0,52$ и $r=0,50$) и порицать иерархию ($r=-0,55$ и $r=-0,51$) и индивидуализм ($r=-0,37$ и $r=-0,31$).* Подобным же образом членство в Демократической партии коррелирует с эгалитаризмом ($r=0,30$), но не предсказывает согласия или расхождения с

иерархической или индивидуалистской точкой зрения. Республиканцы имеют склонность к индивидуалистическим ($r=0,31$) и иерархическим ($r=0,40$) предрассудкам и сильную тягу к отрицанию эгалитаризма ($r=-0,45$). Эти корреляции между членством в политической партии, идеологией левых или правых и культурными предрассудками очень велики, судя по нормам статистических обследований.

Как выглядит "культурная теория" в сравнении с другими подходами к восприятию риска? *Культурные предрассудки (предпочтения) обеспечивают лучшие предсказания восприятий риска и предпочтений в выборе видов риска, чем измерения знания и свойств личности и, по меньшей мере, обладают такой же предсказательной силой, как политическая ориентация.* Мы находим, что эгалитаризм тесно связан с восприятием технологического и экологического рисков как очень серьезной проблемы для нашего общества ($r=0,51$) и, следовательно, с сильным неприятием риска в этих областях ($r=-0,42$). Эгалитаризм также положительно связан со средним уровнем восприятия риска и отрицательно – со средним восприятием выгод от 25 рискованных технологий. Вряд ли кто другой изобразит технологию в худшем свете: мало выигрыша, много риска, и рискованная игра не стоит свеч.

Индивидуалистические и иерархические предрассудки, напротив, положительно связаны с выбором в пользу принятия технологического риска ($r=0,32$ и $r=0,43$) и со средним уровнем оценок преимуществ, доставляемых технологией ($r=0,34$ и $r=0,37$). Здесь картина более оптимистична: преимущества технологии велики, а риски малы, и потому общество должно продолжать мириться с риском, чтобы получить побольше благ, которых прогресс приносит вместе с ним.

[...]

Всякий раз как другие исследования представляют сравнимые данные, они демонстрируют, что наиболее мощный фактор для предсказания восприятий риска – это вера в институты или идеологию, которая, в основном, говорит о том, каким институтам можно доверять. *Такие данные показывают, что, как бы ни концептуализировать мировоззрения (в форме ли политической идеологии или культурных предпочтений), они лучше всего объясняют типовые образцы восприятий риска.*

В итоге, великие битвы нашего времени по поводу опасностей технологии сводятся в сущности к борьбе вокруг доверия либо недоверия социальным институтам, т.е. к культурному конфликту. И как только мы изменяем направление внимания, мы открываем, что эгалитаристы (которых социальные отклонения пугают меньше, чем иерархистов и индивидуалистов) сильно опасаются развития техники и технологии, видя в этом (как утверждает культурная теория) лишь корпоративную алчность, ведущую, по их убеждению, к неравенству. Индивидуалисты, которые верят в соревнование и испытывают чрезмерную неприязнь к ограничениям, налагаемым на то, что они считают взаимовыгодными отношениями, видят в технологии благо. Иерархистов, которых пугают беспорядок и размывание статусных различий, больше эгалитаристов тревожат социальные отклонения и меньше – технологические опасности.

[...]

Прошло уже два десятилетия с тех пор, как Чонси Старр в новаторском очерке "Социальная выгода против технологического риска" вопрошала, как много наше общество согласно платить за безопасность (Starr, 1969). С того времени в связи с проблемами технологического риска сложилось живое и энергичное исследовательское сообщество (National Research Council..., 1989). Своей статьей мы надеемся повернуть исследования восприятия риска в правильном направлении: (1) расширяя круг задаваемых вопросов с целью охватить новые образцы восприятия риска (не только технологическую опасность, но и угрозы войны, социальных отклонений, экономического спада и т.д.); и (2) сравнивая соперничающие объяснения страхов широкой публики. Как и предсказано культурной теорией, мы обнаруживаем, что способ восприятия многообразия рисков индивидами соответствует их образу жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Allport G.** Pattern and Growth in Personality. New York: Henry Holt and Company, 1961.
- Cotgrove S.** Catastrophe or Cornucopia: The Environment, Politics and the Future. Chichester: John Wiley and Sons, 1982.
- Douglas M.** Cultural Bias. In: In the Active Voice. London: Routledge and Kegan Paul, 1982, p.183-254.
- Douglas M.** Essays in the Sociology of Perception. London: Routledge and Kegan Paul, 1982.
- Douglas M.** Passive Voice Theories in Religious Sociology // Review of Religious Research, 1979, v.21, p.51-56.
- Douglas M. and Wildavsky A.** Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley: University of California Press, 1982.
- Holdren J.** The Risk Assessors // Bulletin of the Atomic Scientists, 1983, no.39.
- Inglehart R.** The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics. Princes: Princes University Press, 1977.
- National Research Council, Committee on Risk Perception and Communication.** Improving Risk Communication. Washington (DC): National Academy Press, 1989.
- MacCrimmon K.R. and Wehrung D.A.** Taking Risks: The Management of University. New York: Free Press, 1986.
- Mitchell R.G.** Mountain Experience: The Psychology and Sociology of Adventure. Chicago: University of Chicago Press, 1983.
- Nelkin D. and Pollack M.** The Atom Besieged: Antinuclear Movements in France and Germany. Cambridge: MIT Press, 1981.
- Personality: A Psychological Interpretation.** New York: Henry Holt and Company, 1937.
- Starr Ch.** Social Benefit versus Technological Risk: What is our Society Willing to Pay for Safety? // Science, 1969, v.165, p.1232-1238.
- Thompson M., Ellis R., Wildavsky A.** Cultural Theory, or, Why All that is Permanent is Bias. Boulder: Westview Press, 1990.